

ВАДИМ АРЕФЬЕВ

ПОД ПАРУСАМИ “КРУЗЕНШТЕРНА”

Писателю Вадиму Александровичу Арефьеву посчастливилось стать участником кругосветного плавания на знаменитом учебном парусном судне — барке “Крузенштерн” — в 2005-2006 годах. Мы публикуем отрывки из его воспоминаний.

Ночь над Мадридом

Вообще-то я уже и не верил, что попаду на “Крузенштерн”. Особенно в последний месяц. Что-то всё не складывались дела с оформлением паспорта моряка. И хотя меня не раз заверяли, что всё будет в порядке, что если не на всё плавание, то до столицы Уругвая — Монтевидео — я всё равно доберусь на славном нашем паруснике. Но получение паспорта всё откладывалось и откладывалось. Кто-то там с кем-то поругался, и я оказался заложником этой ссоры.

А я уже уволился с работы. Меня проводили чуть ли не с оркестром как будущего героя кругосветного плавания. И, признаться, от зависшей моей ситуации на душе было тоскливо. “Крузенштерн”, тем временем, шёл по Европе, а я всё так же безвылазно сидел в Москве, и надежды мои с каждым днём ожидания таяли. Я уже перестал звонить друзьям, потому что знал — первым вопросом ко мне будет: “Ну, ты где? Ты как? Ты откуда”? Я решил просто не думать о кругосветке. Как бы нет и не будет её вовсе. И так жить до тех пор, пока, если все же она случится, не вступлю я на палубу “Крузенштерна”. Чтобы отогнать навязчивые мысли, я съездил на Успенье во Псков, побывал в Святогорском монастыре на могиле Пушкина. Потом я поехал к себе на родину — на Урал.

Так летели дни, и я уже начал подумывать, а не вернуться ли мне на работу. И в это самое время пришло известие, что паспорт моряка почти готов и что я могу всерьёз собираться в дальний рейс. Но я всё равно не верил, что это реально может случиться. Да, вот он, паспорт моряка, у меня в руках. Да, вот билет на самолёт до испанского острова Тенерифе, куда в конце сентября должен прибыть “Крузенштерн”. Вот и багаж собран. Вот мы едем на такси, и водитель говорит, что Ленинградское шоссе сейчас забито напрочь, и хорошо, что мы едем в Домодедово, а не в Шереметьево. А я не верю. Не верю и когда проходим паспортный и таможенный контроль. Всё ведь может случиться. Например, в сумке у меня “обнаружили” маленькие ножницы: “Уж не террорист ли я”? Я готов пожертвовать ножницами. Что такое ножницы

по сравнению с кругосветным плаванием? Но меня пропускают вместе с ними. Наверное, я не похож на террориста.

Мы садимся в самолёт с бортовым номером “А-319”. Вот он набирает высоту. Вежливая стюардесса в бордовом платье ходит по салону и предлагает журналы, напитки, сувениры. На груди у неё небольшая карточка с эмблемой испанской авиакомпании и с её именем “Тезла”. Мы с моим товарищем и организатором этого “десанта” пьём напиток под названием “Мазут” – смесь виски и “Кока-колы”. Нам подают обед в мизерных пластиковых тарелочках и с мизерными бутылочками джина и оливкового масла. Мы летим четыре часа сорок минут, а я всё ещё не верю, что это наяву, что это случилось. Хотя наш самолёт уже мчится по огромному мадридскому аэродрому. Десятки рулёжных дорожек сияют красными и белыми огнями.

Выходим в столичном испанском аэропорту для пересадки. Нам предстоит ещё один полёт – до острова Тенерифе. До него три часа. Сидим на лавочке в здании аэровокзала. Американская пара – муж и жена – кормят из соски ребёнка. Араб, закутанный в белые одежды, важно прошёл мимо нас. Все это можно увидеть и в Москве. Мой товарищ приносит бутерброды с копчёной колбасой. “Нет, – говорю я себе, – это ещё не начало”.

Но вот объявлена посадка на наш рейс “Мадрид–Тенерифе”. Вновь мы в самолёте. Я усаживаюсь у круглого окна-иллюминатора: “Может быть, сейчас наконец-то что-нибудь пойму и почувствую?..”

Самолёт уносит нас в ночное небо, набирает высоту, разворачивается. Под нами сияет и переливается мириадами золотых огней ночной Мадрид. Словно огромные сокровища мира вдруг вспыхнули на чёрном бархате ночи и сверкают, переливаются для нас. Вспыхивали изумруды различных тонов и оттенков, фиалками цвели аметисты, горели бриллиантами алмазы. И вся эта игра цветов и красок вдруг хлынула в душу, и я подумал, что, наверное, богаче меня просто нет сейчас человека на земле. А впереди нас ждал полёт над Бискайским заливом, где тоже сверкали и переливались огни с очертаниями далёких берегов. Нас ждали Канарские острова и какая-то неведомая, незнакомая и неповторимая жизнь, в которой был я маленькой счастливой песчинкой.

Католические свечи

На канарском острове Тенерифе я побывал в католическом храме. Зашёл туда из любопытства – интересно было своими глазами увидеть, что собой представляет западная европейская церковь. Никогда раньше не был. Однако уже при входе туда мне стало неуютно. Причиной тому послужили церковные свечи. Они оказались... электрическими. Перед статуями католических святых стоял ящик, в который и были вмонтированы ряды этих самых свечей-светильников. Под каждой из них в этом ящике была прорезь, чтобы опускать туда монеты. Чем больше монет опустить, тем, наверное, дольше будет гореть лампочка-свечка.

Пока я глядел на этот “свечной ящик”, мне почему-то вспомнились автоматы с газированной водой. Бросишь копейку – вода без сиропа, бросишь три копейки – с сиропом. Впрочем, это было в советское время – копейки, теперь и за рубль не нальют.

Два ястребка

В первые дни моего похода на “Крузенштерне” я увидел двух небольших ястребков. Может быть, это были и не ястребы, но, по крайней мере, так их все называли, да и похожи они были на ястребов. Интересно было следить за этой пернатой парой. Они лихо лавировали между мачтами, кружились вокруг судна. Странно было видеть их в море. На воду они, естественно, не садились. Это же сухопутные птицы. А мы тем временем всё дальше и дальше отходили от берегов.

– Они у нас на фокке живут, – сказал мне однажды мой земляк, старший матрос фок-мачты Олег Пузанов.

– А чем же они питаются? – спросил я. – В море же нет никаких мошек, а рыбу ловить они не умеют.

— Да ничем они не питаются, — ответил Олег. — Мы им хлеба крошки, воду поставили. Но не пьют, не едят. Вот увязались за нами. Наверное, погибнут в море. До ближайшего берега миль пятьсот.

Дня через три наши ястребки исчезли так же неожиданно, как и появились, видно, улетели искать землю — что им сотни миль!

Сверчок

Местом наиболее душевного общения на судне, на мой взгляд, является ют. То есть палуба в кормовой части судна. Именно здесь собираются курильщики, здесь до глубокой темноты не стихают разговоры, иногда звучит гитара, короче говоря, место уютное. Именно сюда поздней ночью вдруг прилетел какой-то большой, размером с куриное яйцо жук. Он был чёрным, блестящим. Его туловище глянцево сияло в свете палубных фонарей. У него были длинные и быстрые лапы.

Кто-то в испуге крикнул: “Дави его”! Но все почему-то отбежали в сторону. В это время жук юркнул под привод Дэвиса — запасное рулевое устройство — и там спрятался. Вскоре на шум подошёл наш научный сотрудник и сказал, что, скорей всего, это был обычный сверчок. Он даже нагнулся и попытался найти его в темноте. Но так и не нашёл.

— Хорошо, что вы его не раздавили, — сказал наш судовой “Паганель”. — Помните, отчего у Буратино начались неприятности?

После выразительной паузы сам же и ответил: “Оттого, что он обидел сверчка”.

Конские широты

Среди многих бесед с различными людьми и на разные темы в кругосветном плавании почему-то на особицу стоит небольшой рассказ капитана-наставника барка “Крузенштерн” Геннадия Васильевича Коломенского.

— Иногда парусники попадали в конские широты, — рассказывал он, — и долго не могли оттуда выбраться.

— А что это за широты? — уточнил я.

— Это неофициальное название такое — примерно по пять-десять градусов на север и на юг от экватора в Атлантике. Там зона малого ветра, а то и полного безветрия. И когда европейцы осваивали Америку, то парусные суда частенько оказывались там, как в ловушке. Порой месяцами зависали — не могли выбраться. Нет ветра — и ничего не поделаешь.

— А почему они называются именно конскими?

— Так в том-то и дело, что в Америку из Европы везли лошадей. Многие тысячи. И, когда они попадали в эти широты, то воды и сена им не хватало.

— И что же с ними делали?

— Понятно — что! Резали и сбрасывали за борт! Можно сказать, что всё дно в этих широтах покрыто костями лошадей.

Вот и вся история. И много лет уже прошло со времени той беседы. И нет уже в живых Геннадия Васильевича. Но тот краткий и простой рассказ его помнится ярко. Словно увидел я тогда несущиеся над Атлантикой табуны лошадей, отлетающих ввысь — к небу.

Боцман Привалов

Право же, стоит хотя бы раз послушать музыку парусного аврала. Причём с самого начала. Вот подаётся исполнительная команда: “Пошёл все наверх!” И уже помчались, побежали курсанты и экипаж из кубриков — наверх, на палубу. Сотни ботинок дробно стучат по трапам. И вот уже боцмана взяли свои трубы-матюгальники и — тут уже звучит настоящий парусный оркестр. Это надо слышать. Представьте себе крепкого загорелого боцмана с этой медной трубой. И летит над палубой: “Выбирай, б., бом-брам-бр-р-рас”! Так командует Миша Привалов. У него мужественное, словно бы рубленое топором лицо. Вслушайтесь ещё раз, и станет понятно: “Выбирай, б., бом-брам-бр-р-рас”! Со времён Станюковича ничего не изменилось...

А вечером была баня. Мы пошли в сауну. Там был и Миша. Он сидел на полке, словно султан, на голове у него был свёрнут тюрбан из полотенца.

— Как здорово у вас получается командовать, — искренне сказал я ему. И я повторил ту самую “музыкальную” фразу.

И вдруг я увидел, что Миша засмутился.

— Иногда бывает, — сказал он, — сорвётся какое-нибудь лишнее словцо. Я ведь понимаю, что курсанты ещё дети. Но сама наша работа требует жёсткости. . .

Не раз до того и потом я видел, как внимательно и бережно работает Миша с курсантами, как старается объяснить им всю суть непростого парусного дела. По-отечески он заботился о каждом.

Позже я узнал, что у Миши был сын, который погиб год назад. Когда Миша списался с корабля во Владивостоке по семейным обстоятельствам, то вторая грот-мачта как-то осиротела. Хороший он был, обстоятельный боцман.

Страна перелётных птиц

Когда мы прибыли в российское посольство в Уругвае, то первое, что узнал я об этой стране, — это смысл её названия. Уругвай переводится с индейского языка как “страна перелётных птиц”. Правда, красиво? Сказал всего лишь одно слово: “Уругвай”, — и целая картина перед глазами. Но нам и говорить ничего не надо было. Мы пришли в Монтевидео, по-нашему, осенью. На дворе был ноябрь. В южном полушарии — как у нас весной, в мае. Всё утопало в яркой молодой зелени. Солнце сияло так ярко, как я нигде и никогда раньше не видел.

— Здесь нельзя ходить без солнечных очков, — то и дело повторяли нам сотрудники посольства. — И обязательно надо использовать крем от солнца. Сгореть можно в пять минут. Монтевидео, как и аргентинский Буэнос-Айрес, — это же самые южные столицы в Южном полушарии. Надо быть осторожным. Тут самый высокий процент заболеваний кожи у людей.

Но осторожным быть не хотелось. Представляете: конец ноября, а вокруг всё просто полыхает от молодой зелени, лазурного неба, искристого моря. И главное — как поют, как щебечут на все лады уругвайские птицы!

— Как же чудесно у вас тут поют птицы, — восторженно сказал я сопровождавшему нас сотруднику посольства.

— Это, конечно же, хорошо день, два, три, ну, неделю послушать. А потом тишины захочется. Они ведь тут почти круглосуточно поют. И спрятаться просто некуда.

Недели через две мы покинули Страну перелётных птиц. Экзотическая и приветливая страна осталась за кормой. О ней теперь хорошо и приятно вспомнить или рассказать кому-нибудь. Рассказать о том, как там хорошо и красиво, и ещё о том, как приятно потом возвращаться домой.

Староверы в Уругвае

Не раз во время нашей стоянки в Монтевидео я слышал то от кого-нибудь из посольских сотрудников, от представителей агентирующих фирм или от разного рода торговцев, которые во множестве вились вокруг нашего судна, о том, что в Уругвае живёт община русских староверов. Узнал я и о том, что живут они недалеко — километров за 300 от города. А поскольку паспорт моряка разрешал отъезжать от места стоянки судна не более чем на двадцать миль, то есть около 40 километров, то повидаться с ними особой надежды я не питал. Хотя стоянка в порту у нас была долгая — почти две недели находились мы в Уругвае. Но, признаться, не рассчитывал я на то, что получится увидеться с этими необычными земляками. А хотелось. Хотелось и поговорить — как, мол, живётся им за тридевять земель от своей исконной родины. Хотелось услышать, насколько сохранили они родной язык. Да просто увидеть, во что одеты, каковы черты лица. Короче, насколько сохранили они себя в этом дальнем-предальнем южном полушарии. Но я понимал, что шансы, практически, нулевые.

И всё-таки встреча состоялась! После очередной прогулки по ослепительно-солнечному Монтевидео я возвращался на судно. Я уже сидел на катере, в компании моих товарищей, и минут тридцать ждал, когда нас доставят на “Крузенштерн”. Само наше судно стояло на рейде — в двух милях от порта —

на якоре. Я сидел и думал, что это какая-то странная задержка. Обычно-то мы всегда своевременно — минута в минуту — отправлялись. А тут — стоим и стоим. А было жарко. Особенно внутри этого небольшого катерка.

— Это мы, наверное, посольских ребят ждём, — заговорил кто-то из моих попутчиков. — У них там делегация за делегацией к нам. Туда-сюда — только и ездят. “Крузенштерн” у нас здесь вроде как министерство иностранных дел. Всё каких-то гостей водят и водят. Наши паруса им показывают.

И вот они появились. Мать и дочь. Ульяна Павловна и Софья Андреевна. Я сразу их узнал. Нет, не то чтобы по имени-отчеству. Просто я сразу понял, что они — это те самые наши русские староверы. Думаю, что все их узнали. Да и не узнать их было просто невозможно. Русые волосы. Длинные традиционно-русские светлые сарафаны. Характерная вышивка. И дело даже не в этом. А просто — фигуры, лица... Это были женщины какой-то особой стародавней стати. И — глаза. Широко открытые, спокойные, полные достоинства глаза.

Надо ли говорить о пути на наш легендарный “Крузенштерн”? О чём мы поговорили? Да почти ни о чём. Познакомились. Уж слишком много нас было внутри небольшого портового катерка. Может быть, рассмотрели друг друга. Не более того.

И вот мы на судне.

— Здорово тут печёт у вас, — сказал капитан-наставник Геннадий Васильевич Коломенский. Ему, видимо, выпала миссия сопроводить необычных гостей по судну, и надо было как-то завязать дипломатический разговор, который, как известно, всегда начинается с обсуждения погоды.

— А вот на жару-то круто повернуло, — ответила Софья Андреевна. — Но вот сейчас дождь прошёл. На прошлой неделе. Да и на этой неделе был дождь. Оно как-то здесь бывает — пройдёт, а к нам-то придёт — дён на второй да на третий. У нас позже бывает дождь.

— А берёзки тут растут у вас? — включился в разговор мой товарищ и коллега Володя Кирюхин — наш пресс-атташе, как называют его на судне.

— Нет, терновник у нас растёт, а не берёзка.

— А церковь у вас деревянная?

— Деревянная.

— А из чего её построили? Из какого дерева?

— Из эвкалипта. Здесь дерево строевое — эвкалипты. А хорошего настоящего дерева, чтобы само по себе в лесу росло, нету здесь. Есть хорошее — акторобу, — но оно только на брёвнышки годится.

— Акторобу?

— Да. Оно не гниющее дерево. Оно за много лет вырастает. И такое тяжёлое становится — что камень. А вот саженого эвкалипта много. А чтобы такое — строевое дерево — нету здесь.

— Сосна, наверное, тут растёт?

— Нет. Этого нет. Может, где-то и увидите, посаженную. Так, для красоты, где-нибудь в оградочке. А чтобы много где-нибудь посажено было — нет. Ёлки — садят. Какую-то елку садят, одну — для бумаги. Её садят в Испанию. Потом, вторая ещё есть ель. “Сирийская”, или ещё как-то её зовут. Она тоже годится для постройки. Но её очень мало. Большинство — эвкалипт.

— Давайте посмотрим наш судовой музей, — предложил Володя Кирюхин.

— Ну, посмотрим. История тут у вас — в живом состоянии.

— Да. Тут у нас всюду живая история.

— Ну, вот, когда мы поедем в Россию, побольше узнаем. Живы будем. Оно не так-то дорого и выходит — поехать туды.

— А вы уже бывали в России?

— Никогда. Интересно, но... помоги, Господи! Счастливы будем, дак. Мои родственники недавно из Бразилии ездили в Россию. Оне бывали там везде у наших. У меня там есть двоюродный братанник и две сестры — Анки. Тётка наша померла уже. У неё рак был в крови или в костях. Что-то такое. Но она ещё — не так чтобы... Не так и много было лет ей. Болесь своё взяла. А дети её живут там. Там целый посёлок есть.

— А как называется этот посёлок?

— Не помню. На Амгуни. Река — Амгунь. Посёлок... не помню. Вроде, Берёзовое...

В это время к нам присоединилась телевизионная группа канала “Звезда”.

— Хотели бы вас наши телевизионщики снять, — обратился Володя Ки-рюхин.

— А, не велено нам себя показывать. Не разрешается. Я от себя не могу ни разрешить, ни запретить. Но наша вера не разрешает. Вы простите нас за это.

— Нет. Это вы нас простите — за то, что мы обратились к вам с такой просьбой.

— Ничё, ничё. Это можно — спрашивать и разговаривать. Это всё можно...

— А вы, видимо, сибиряки коренные?

— Нет. Почти что так. Потому что моя бабушка, дедушка — они из Сиби-ри были. Из Красноярска были. Там ишшо ить были деревни. Только я не по-мню, как назывались. А потом, когда перешли в Китай-то, пришли в Харбин. В Харбине жили. Но не в городе жили, а своим участком. Там посёлки были с названиями китайскими. Какие — сейчас уже не помню, как называли их. Видишь, а раньше — хотя и в России, хотя и в Китае, — куды нас переселя-ют, там и живём. А гонят — всё оставляем. И пошли. Всё-таки нам сказали, какие вещи нам можно взять. Так же и в Китае было. Когда мы поехали — в Китае, там тоже началось такое... Я маленькая была. Мне три года было. Нас взяла организация — всемирная. У нас своего средства не было.

— Это, наверное, Международный Красный Крест?

— Ага. Нас вёз. Довезли нас до Гонконга. И в Гонконге — тогда выбира-ли место, куды поехать. Кто уехал обратно в Россию. Кто поужезжали в Авст-ралию, в Новозеландию, Бразилию — Парану. Вот нас привезли в Парану. Тут я немножко помню, что с “Камеона” нас сгрузили, посадили в муравьятники, где нас мураши искували. Ни палатки, ничего не было. Но потом палатку на-тянули. Свою же. У нас была, сами пряли, ткали изо льна. И вот — льняная палатка. Под ней, не знаю — как, но жили...

— А историю свою не собираете? Какого-либо музея у вас нет?

— Нет, ничё нет. У нас так живут, знашь, если бражка есть, выпить — вы-пить, погуляют. Ну, пришёл день рабочий — работают. А чтобы чем-нибудь — такое... ничего нет.

— Какая непростая судьба у вас. Как не просто было вам подниматься...

— Очень трудная судьба. Очень трудная. Когда мне было 17 лет, мы поте-ряли отца. Из деревни — из нашего посёлка — никто не разговаривал по-ис-пански. Одна я говорила. А я не учёна нигде. Я так — родом. И давалось — ско-ро. Я научилась по-испански говорить с людьми. Моя бабушка была — моего отца мама. У неё — дочка большая припадками была. То, значит, я открыла торговлю. Продавать с чакры везла. Или зелень, или яички, или сметану, тво-рог — всё такое...

— С чакры — это что такое?

— С чакры — это с участка. То я зачала этим тогда торговать. Для всех. Соберут меня — с пятицы. Дюжин сто яичек да кил тридцать масла, там, и творога, и сметаны. Всего. Я везу всё. Продаю... Продаю я. Все продук-ты набрала. Рассчитала. Привезла всем... Потом, когда я вышла замуж, мне было уже 24 года. Но мой муж — он хотел на мне жениться, когда мне было 12-13 лет. Но он меня не интересовал. И как-то он мне не нравился... Но мы отца потеряли, отец утонул, — года два уж тогда тому было... Отец был очень добрый человек. Очень хороший был человек — и с людьми, и, не знаю, та-ких людей надо поискать... И, значит, я осталась, с семьёй. Ростила се-мью мамину. Потому нас было восьмеро. Нас было восьмеро у мамы. Потом мы переехали в Бразилию. И жених мой приехал за мной в Бразилию. Боч-карёв-то. Плакал, чтобы я за него вышла замуж. Но я не хотела. Не было у меня желания за него идти. Но приказали...

И тут возник неожиданный перерыв в нашей беседе. К борту нашего суд-на подали катер. Время присутствия наших гостей на “Крузенштерне” истек-ло. Я решил, что завтра, а мы ещё стояли в гавани Монтевидео пару дней, повстречаюсь с нашей гостьей и собеседницей. Чтобы беседа продолжилась, и я узнал, как устроен их быт. Когда и откуда вышли они из России. Да ма-ло ли о чём ещё я спрошу?..

— Приходите утром, туды, к нам, — пригласила для продолжения раз-говора меня Ульяна Павловна. — Мы завтра утром свободны. Мы на Спрэй три Крус. Если вы Виктора (сотрудник посольства России в Уругвае. — Авт.)

попросите, он вас доставит. Он к нам приезжает. Приедете – поговорим. Там у нас во дворе очень хорошее место. Тишина там. Мы можем поговорить.

Но – не случилось. Нас перебросили с одной якорной стоянки на другую. Были проблемы с глубиной под килем во время отлива. Капитан, понятно, нервничал. Сход на берег был отменён. Единственное, что меня радует, – мы всё-таки успели поговорить. Это живые наши русские люди, которые каждодневно живут на далёкой южноамериканской земле, под жгучим уругвайским солнцем. Они никогда не были на своей далёкой холодной родине. Но, я надеюсь, побывают. Надеюсь. И ещё, мне хорошо оттого, что я успел подарить им небольшую иконку. На ней – образы Спасителя, Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Помогите им, Господи, во всех благих чаяниях и делах под эти далёким от матушки-России небом!

Сирень и одуванчики

В аргентинском городке Ушуайа возникает ощущение, что в сказку попал. Отсюда, с крайней точки южноамериканского материка, суда возят туристов в Антарктиду. Идешь по улицам этого небольшого городка и думаешь: “Так не бывает”. На календаре – декабрь холодный, а вокруг – лето. Причём не какое-то тропическое – с пальмами и пляжами, а наше, российское.

Едва мы сошли с нашего судна, как нас встретила целая поляна одуванчиков. Жёлтых, пушистых, улыбчивых. Точно такие же одуванчики повсюду растут у нас в мае. Проходим чуть дальше – на газонах лиловый люпин.

– Ну, это же мы просто домой приехали, – восторженно говорит мой товарищ. Он художник. Он нагибается над каждым цветком и подолгу рассматривает его. И вообще, он без усталости фантазирует и ликует, как ребёнок. А ему уже седьмой десяток.

Мы поднимаемся в гору по узким улочкам этого приморского городка и не устаём восторгаться. Вот перед нами куст сирени. Подходим, нюхаем. Точно – сирень! У нас – зима, а в Южном полушарии – лето.

– Помните сказку “Двенадцать месяцев”? – спрашивает меня мой попутчик. И тут же продолжает: – Вот куда надо было ехать падчерице в декабре за подснежниками. И никакие Братья Месяцы ей бы не понадобились!

– Да, – охотно соглашаюсь я, – устроилась бы уборщицей или прачкой к нам на “Крузенштерн” и вскоре оказалась бы здесь, в Аргентине, на краю света.

– Нет, – возражает мне мой товарищ, – не надо из сказки делать грубую реальность. Уборщица или прачка – это не то. Лучше бы сразу, мгновенно. Захотелось зимой сирени, взмахнул волшебной палочкой – и ты в Ушуайа!

– Если будет волшебная палочка, – подзадориваю его я, – то и на край света лететь не надо. Взмахнул – и полная корзина любых цветов у вас будет и в декабре, и в январе прямо в питерской квартире.

– Ну, что вы всё приземляете, – укоризненно посмотрел на меня художник. – Да и зачем здесь волшебная палочка? Здесь и так – сказка.

Чайная церемония

Когда наш барк “Крузенштерн” прибыл в Гонконг, то первым делом я отправился на прогулку по окрестностям близ порта. Пришвартовали нас к отдалённому от центра города причалу, и мне захотелось в первый день стоянки судна посмотреть именно эти непарадные места.

Для начала я заглянул в ближайшее кафе с золотыми драконами на окнах и сел за свободный столик. Вокруг были одни китайцы. Я заказал кофе с молоком. Причём сделал это на немецком языке, так как другого иностранного языка просто не знал, а по-русски, думал, они не поймут.

– Битте айн кофе мит милк унд цукер! – сказал я. И ещё подумал, поймут ли.

Поняли. Через несколько минут на моём столике дымился большой бокал сладкого кофе с молоком. И всё было хорошо. Попил я вкусный кофе, полюбовался на китайцев и китайянок, на кудрявые иероглифы и изображения змей, обезьян, собак на красных стенах и собрался уже идти дальше. И тут подходит ко мне для расчёта официант и произносит:

– Чайная церемония! – на чистейшем русском. Слово мы не в далёком Гонконге, а у нас в России.

– Да! – с удивлением воскликнул я. – Только не чайная, а кофейная. А где вы так хорошо научились говорить по-русски?

– Чайная церемония! – ещё раз с улыбкой произнёс и поклонился китаец.

И тут до меня дошло, что на русском он знает только два этих слова. Выучил – и произносит, словно китайский болванчик.

– Ми хау! Чи фань ли ма? – ответил я ему на прощанье. Это было приветствие, которое я знал по-китайски со времён службы в морской пехоте на Тихом океане.

Официант был счастлив. Он проводил меня до самого выхода, много раз кланялся мне вслед и всё бормотал благодарно: “Чайная церемония! Чайная церемония...” Чисто по-русски!

Открытие

Как понять, что ты уже находишься в Южном полушарии? Тем более что вокруг на сотни, а порой и тысячи миль – всё тот же бескрайний океан. Мне сказали, что есть очень наглядные приметы. Например, вода в раковине. Когда у нас на родине вода уходит в трубу, то водяная воронка кружится при этом по часовой стрелке, а в Южном полушарии – наоборот.

Я не поленился, набрал воды в ведро и вылил её в раковину. Точно! Вода кружится в обратную сторону. Казалось бы, чего там – ну, крутится себе вода по-другому. А на душе так хорошо, словно какое-то личное открытие совершил: очевидное, но невероятное, да и только.

Луна на экваторе

Забавная Луна на экваторе. Она живая. Воздух ночью становится прохладнее, чем вода в океане, и вверх – к небу – мощными потоками поднимаются испарения. И Луна в этих тёплых воздушных массах начинает по-особому светиться, играть и даже пульсировать.

Выйдешь на полубак или на ют и смотришь на неё, словно лунатик. А она, будто ощущая на себе любопытный взгляд, всё меняет и меняет свои тона и краски. То она ярко-оранжевая, как апельсин, то окрасится в персиковые тона, то станет лимонно-жёлтой. Важно не торопиться, а подождать, и она непременно покажет свой неожиданный тропический наряд.

А ещё интересно смотреть, как на экваторе день за днём, или точнее – ночь за ночью – нарождается месяц. У нас в Северном полушарии месяц идёт справа налево. Вспыхнет вначале, даже не серпом, а тоненькой яркой линией и потом растёт, растёт. В Южном полушарии месяц нарождается наоборот – слева направо. Смотришь, и глазам не веришь: “Неужели, в самом деле – в другую сторону”?

Но более всего интересен месяц на экваторе. Там он словно не знает, в какую сторону ему податься. И тогда он поступает очень хитро. Месяц на экваторе идёт не справа и не слева, а сверху вниз или снизу вверх.

Казалось бы, всё это уже давно известно не только учёным, но и обычным морякам-странникам. Однако увидишь это сам и чувствуешь, что совершил какое-то очень важное личное открытие.

Алексей Иванович

Бывают люди, с которыми и поговоришь недолго, а потом помнишь о них, как о родных и близких людях. Вот и Алексей Иванович вспоминается мне с какой-то особой теплотой. Даже произнести приятно: “Алексей Иванович”! И фамилия у него замечательная – Евсевьев. Мягкая такая, чисто русская фамилия. Я любил покурить с ним на палубе – посидеть на лавочке, посмотреть на океанский простор. С ним было спокойно. Он уже пенсионер, много лет провёл в море. В этот раз на этапе нашего похода от Санта-Крус до Владивостока он был руководителем практики курсантов Санкт-Петербургского морского колледжа.

Помнится, в Вальпараисо мы искали телефонный переговорный пункт. А накануне был праздник – католическое Рождество. С утра город был пуст,

и международные телефоны работали лишь в центре. В центр-то с Алексеем Ивановичем мы добрались, но где находится сам телефон, не знали.

— У кого-то бы надо спросить, — сказал Алексей Иванович. — Но как? Испански-то мы не умеем.

Вскоре навстречу нам вышел какой-то местный молодой человек.

— Сеньор! — обратился я к нему. — Интернационал телефон? Алё-алё! — изобразил я телефонную трубку возле уха.

Сеньор довольно быстро нас понял и жестами пригласил следовать за ним.

— О, молодец, сразу всё усёк! — восторженно произнёс Алексей Иванович.

Вскоре мы были у переговорного пункта.

— Грассиас, — благодарно произнёс я едва ли не единственное слово, которое знал по-испански.

— Грация, грация, — ещё более благодарно сказал Алексей Иванович.

Казалось бы, чего там? Просто вместе прошли по городу. Но не знаю — почему, вспоминается мне его сердечная “Грация”.

А ещё раз он рассказал мне небольшую историю об олуше. Олуш — это такая большая морская птица. Туловище у неё, как веретено, — прямое, словно точёное из дерева. Размах крыльев — метра два. Это лишь к слову. А сама история такова:

— Работали мы тогда возле Антарктиды, — рассказывал Алексей Иванович. Крыля ловили. Это креветка такая мелкая. Погода плохая — туманы, снег с дождём, айсберги. И вдруг как-то раз к нам на палубу прилетел олуш. Сел и сидит себе на полубаке. Невиданное дело. Пошли разбираться. Оказывается, этот олуш крючок проглотил. В рыбе чей-то крючок был, и он его вместе с рыбой заглотил. Так у него крючок-то этот в клюве и торчал. И вот ведь — птица-птицей, а понял, что надо к людям спастись лететь.

— И что же? — нетерпеливо спросил я, — Удалось его спасти?

— Да, удалось, — ответил Алексей Иванович. — Операцию у нас на “рыбаке” ему сделали. Жил он с месяца в медблоке, пока клюв у него не зажил. А потом мы его отпустили. Провожали всем экипажем. Олуш вокруг судна несколько кругов сделал и улетел вдалё.

Вот и вся история. Но как бесхитростно, как просто и с каким переживанием поведал её Алексей Иванович! Не раз после этого его рассказа выходил я на полубак и отчего-то всё смотрел — не прилетит ли и к нам олуш.

Черепаха

Первую морскую черепаху я увидел на подходе к Акапулько. Казалось бы, что тут особенного? Ну, да — большая черепаха, плывёт куда-то по своим делам у мексиканских берегов. А всё равно — забавно. Светло-жёлтый панцирь у неё в клеточку, лапы-ласты и почти змеиная голова. И сама она такая шустрая — не скажешь, что она ползёт, как черепаха. Наверное, увидела, как мы на неё смотрим, — и наутёк, подальше от борта судна. А то — мало ли что?

Баба Клёпа

Старшую буфетчицу на судне “за глаза” называют бабой Клёпой.

— Почему так её прозвали? — спросил я у одного из старожиллов “Крузенштерна”.

— Тут всё очень просто. Клёпа — это от имени Клеопатра. Раньше она была первой дамой у нас судне. Но годы никого не щадят. Вот и превратилась Клеопатра в бабу Клёпу.

Когда я услышал это объяснение, мне отчего-то вспомнилось стихотворение поэта Владимира Кострова: “Жизнь такова, какова она есть. И больше никакова”. И ещё вспомнилась эпиграмма на эти строки, которую сочинил поэт-пародист Юрий Лопусов:

*Женщин любил он, выпить, поесть,
Но состарился — откуковал:
“Жизнь такова — какова она есть.
И больше никакова”.*

Морские змеи

Я видел их несколько раз — в Южно-Китайском и Яванском морях, а также в Зондском проливе. Они похожи на больших жёлтых червей с поперечными чёрными кольцами по всему телу. В длину они — с метр, может быть, полтора. Долго-то их не рассмотришь — судно идёт и идёт. Стоишь на борту смотришь в воду и вдруг — морская змея. Плывёт себе куда-то. Но всякий раз, если кто-то увидит, вскрикивает, как ужаленный: “Смотри, змея!” И все бросаются на тот или этот борт и повторяют: “Точно — змея! Ты видел?! Змея проплыла?!”

Всякий раз после такой мимолётной встречи на палубе долго не стихают разговоры. Они примерно одинаковы: “Если укусит такая змея — мгновенная смерть. Нет спасения. Её яд намного токсичнее яда кобры. В считанные секунды парализует — и всё”.

Всякий раз, когда я видел морскую змею, думал: “Хорошо, что нам не приходится купаться в столь экзотичных, почти экваториальных морях”.

Свистит кто-то...

Как-то сидел я ночью на юте, курил. А поздно уже было. Никого вокруг нет. Тихий океан на сотни миль вокруг. “Крузенштерн”, как мощная птица, идёт под парусами миль за милей. Тихо — главные двигатели не работают. Сажу я, смотрю в небо на звёзды и слушаю, как шумит волна за бортом. Хорошо так сидеть и думать. И вдруг слышу — свистит кто-то рядом. Тоненько так посвистывает. Я подошёл к леерам, вслушался. Нет, это не ветер в снастях, не корпус судна — живой свист. Слово какая-то малая птичка прилетела к нам и посвистывает. Так и не понял я, откуда шёл этот тоненький посвист. Может океан, подумалось, какие-то сигналы нам подаёт.

На следующий день я рассказал об этом свисте моему товарищу.

— Наверное, это души погибших моряков с нами так разговаривают, — сказал он. — Океан — это же тайна. В нём Вселенная отражается.

Рыбный косяк

Несколько суток мы шли по Тихому океану из Акапулько на Гавайские острова. Мексиканская жара постепенно ушла. Даже днём на палубе было не очень жарко. “Крузенштерн”, миль за милей, шёл почти строго на запад, примерно по одной — двадцатой — широте. И хотя до Гавайев было ещё идти и идти, но все уже жили предвкушением захода в Гонолулу. И когда я выходил покурить на ют, то примерно знал, кто и о чём будет говорить.

— Это место отдыха миллионеров, — уже в который раз информировал нас Юра Масляев. Юра там уже был. — Там такой пляж! Называется Вайкики! Пальмы, нежный песочек, и все на роскошных автомобилях. Сказка!

— Да, — подтверждал наш художник Андрей Петрович Красильщиков. — Они там ездят на таких машинах, на которых у нас только миллионеры и суперзвёзды ездят. А там — это просто такси. В прошлый раз, — Андрей Петрович тоже был раньше на Гавайях, — на этих машинах местные жители развозили наших курсантов для отдыха по домам. В Гонолулу немало русских. Там очень красивый центр города — Алоха. Современнейшие дома, прекрасные дороги. Просто сказочный город.

— У них там есть специальная служба защиты от акул, — рассказывал старший научный сотрудник Саша Ремесло. — Если нырять на коралловом рифе, то можно увидеть просто сказочную подводную жизнь. Коралловые рыбы почти не боятся человека. Они всех цветов и оттенков. Важно обязательно иметь с собой маску и ласты. Это же подводный тропический мир!

Поскольку эти рассказы повторялись по несколько раз на дню, я понял, что впереди сказка, и стал терпеливо её ждать. Я даже проснулся однажды ночью от предвкушения счастья. Захотелось выйти на ют и посидеть там, в тишине, помечтать. А было часа три ночи. На корме никого не было. Горели палубные фонари, зеленоватым серпом светил месяц, и как-то особенно ярко отливала серебром вода. Я подошёл к борту и глазам не поверил — вокруг сплошным ковром плескалась рыба. Я подошёл к другому борту — и там рыба. Она шла огромным нескончаемым косяком. Что это за рыба, определить я не мог. Может быть, сайра, возможно, это были сарганы, а может быть, и обычная тихоокеанская селёдка. Но её было потрясающе много. Часа два я

просидел на юте, любясь этим невероятным зрелищем, а мы всё шли и шли в этом серебристом косяке.

Недели через две мы прибыли на Гавайские острова. Я собственными глазами увидел шикарный пляж Вайкики-бич, я побывал в роскошном центре Гонолулу – Алохе, я объехал на прекрасной машине едва ли не весь остров, побывал в мемориальном центре Пёрл-Харбор, я нырял в маске и видел коралловых рыб. И даже застывшую вулканическую лаву я повидал.

– Да, это красиво, это удивительно, – не раз говорил я. И всё-таки ловил себя на мысли, что где-то я всё это уже видел, может быть, по телевизору или в рекламных туристических журналах. Такими и остались для меня Гавайские острова. Но была и сказка. Её я увидел ночью на юте “Крузенштерна”, когда мы шли из Акапулько в Гонолулу.

Фрегат

По пути в Гонолулу нас посетил фрегат – большая океанская птица. Размах крыльев у него, наверное, метра два, не меньше. И сами крылья особые, как у птеродактиля или у летучей мыши, – угловидные.

Фрегат довольно долго кружил вокруг “Крузенштерна” и, словно напоказ, с большой высоты резко складывал и прижимал к туловищу крылья, и тут же стрелой нёсся вниз. Говорили, что это птица-агрессор. Фрегат не только охотится за рыбой сам, но и отбирает добычу у других птиц – чаек, олушей, капских голубей. Не побрезговал он и судовыми отходами. После обеда курсанты выбросили несколько фляг с остатками еды, и фрегат охотно полакомился нашей пищей.

Фотокорреспондент Юра Масляев крупно снял его во время этой трапезы мощным телеобъективом. И потом в походе мы не раз внимательно рассматривали фрегата во всех подробностях. Клюв у него, действительно, могучий – крючковатый, хищный. А если смотреть на него снизу, издали, то это просто красивая, грациозно и легко парящая в небе чёрная птица.

Часы-кренометр

У меня есть часы, по которым я определяю крен судна. Это самые обыкновенные часы на ремешке. Просто-напросто перед сном я цепляю их пряжкой на небольшой шуруп над кроватью, и они, если есть крен, отклоняются в ту или иную сторону.

– Зачем это нужно? – спросите.

– А затем, – отвечу, – чтобы правильно выбрать, в какую сторону спать. Если судно наклонено на левый борт, то подушку надо положить направо. И наоборот. А если ошибёшься, то голова поутру будет болеть. Понятно?

Реплика

На судне есть художник – Андрей Петрович Красильщиков. Он пишет и хранит свои картины в парусной мастерской. Там у него рабочее место. Однажды, когда на судно налетел шквальный ветер и “Крузенштерн” резко накренился на правый борт, Андрея Петровича чуть было не раздавило. Рядом с ним со свистом пронеслась и врезалась в борт огромная, килограммов на двести, швейная парусная машина. С верхней полки, и тоже почти вплотную с художником, просвистел тяжеленный рулон запасного паруса. Кроме этого, вблизи мольберта пролетел большой пень. Именно пень. Его парусный мастер – Лев Николаевич Орлов – использовал как своеобразную наковальню для установки люверсов – металлических заклёпок-отверстий в ткани паруса.

Пережив тройное испытание, Андрей Петрович за обедом во всех цветах и красках рассказал о своём чудесном спасении. Этот рассказ явно не понравился парусному мастеру, который сидел с ним за одним обеденным столом. По идее-то, конечно же, и швейную машину, и рулон парусной ткани, и злополучный пень надо было закрепить по-штормовому. Но кто же знал, что шквал налетит так неожиданным и что в это самое время в мастерской будет находиться Андрей Петрович.

Все сочувствовали нашему художнику, советовали ему в этот день больше не работать, а взять да и отметить свой второй день рождения. Лишь один

парусный мастер долго сидел насупившись и молчал. Но потом всё же и он сказал:

— Да что вы все тут разохались? Ничего не случилось. И не могло ничего случиться. Петрович у нас — вёрткий. Его даже вилами в мешке не заколешь.

Пресс-атташе

На “Крузенштерне” есть свой пресс-атташе. Это Володя Кирюхин. Если говорить честно, он совершенно не похож на представителя этой дипломатической профессии. Всё, о чём он говорит с увлечением, — это рыбалка. Его постоянно можно увидеть на юте. Днём и ночью он там дежурит возле своих нехитрых снастей. Когда мы первый раз шли через Атлантику он, как мог, старался поймать акулу. Но не удавалось. Над ним подшучивали — вот, дескать, через весь океан свои верёвки протащил. Тем не менее, акулу и не только её, Володя поймал, чем был несказанно горд. И даже те, кто над ним подшучивал, потом охотно фотографировались на фоне зубастой акульей пасти.

Свои заметки в “Парламентскую газету и в “Трибуну” Володя пишет обычно ночами. Как-то я сказал ему: по-сталински, мол, работаешь, в ночную смену. У Вовы это вызвало бурную реакцию. Шутки в адрес вождя всех времён и народов он воспринимает болезненно.

Более всего удивляет его лексика. Порой он так умеет построить фразу, что в ней совершенно отсутствуют цензурные слова. Просто виртуозно он владеет этим лексиконом. Тем не менее, он окончил МГИМО. Хотя чувствуется, что за плечами у него — иные университеты.

Звучит колокол

Каждые полчаса на судне звучит колокол. Так звучит время в океане. Сам по себе колокол очень красив. Сделан он из латуни. На нём надпись “Kruzenschtern”. Курсанты тщательно дряют колокол каждый день до блеска, и он сияет на солнце, словно золотой.

Рядом с колоколом, на самом носу, несёт свою вахту впередсмотрящий. Он и отбивает сигналы времени: “Дзы-н-н! Дзы-н-н! Дзы-н-н!”.

Когда “Крузенштерн” идёт под машиной и паруса у него укатаны, то мачты и рей создают перекрестья. Я не поленился и пересчитал: двадцать два креста мы несём над палубой. Всякий раз, как слышу я колокольный звон, то невольно думаю, что наше судно очень похоже на храм.

“Дзы-н-н!” — и ещё одна частица жизни улетела под колокольный звон в океанский простор, в вечность.

Морская история

Попросил я однажды одного из боцманов рассказать мне какую-нибудь морскую историю.

— Да некогда, — говорит он мне, — с курсантами надо разобраться.

— А что случилось?

— Да так — пошутили. Записали днём на диктофон команду парусного аврала, а ночью прямо на ухо своему товарищу эту запись и включили.

— И что же?

— Ну, что-что? Там же: “Парусный аврал! Парусный аврал! Парусный аврал! Пошёл все наверх!” Вот он спросонья и подскочил. Ноги в башмаки вставил и в одних трусах бегом на палубу. У самой мачты его насилу поймали.

— А как же об этом узнали?

— Да сами же и рассказали. Хохочут, говорят — пошутили. Вот у них сейчас личное время, пойду с ними тоже пошучу. Они через пять минут кино приготовились смотреть. А я им уже швабры приготовил, пусть галюн хорошенько отдраят.

Южный крест

Я представлял его совсем не таким, каким увидел. Не знаю — почему, но более всего в походе мне хотелось увидеть именно его — созвездие Южного Креста. А оно оказалось совсем не таким, каким я его себе представлял.

Это вовсе и не равносторонний крест, а скорее ромбовидный. Почему-то мне он напомнил очертания воздушного змея. Четыре различных по яркости звезды по краям. Если мысленно создать внутри этого созвездия перекрестье, то центр даст точное направление на юг. Но дело не в том, направление можно определить и по компасу. Дело в другом. Стоишь на палубе ночью, смотришь на этот крест и думаешь: “Вот ведь оно, чудо-то какое!” А он сияет из немыслимой дали, из глубины мерцающей вселенной, смотрит на тебя и благословляет: “В добрый путь, моряки-странники!” И хорошо на сердце. Стоишь и бормочешь: “Над нами Южный Крест, над нами Южный Крест!”

Роса на палубе

Мы шли по Индийскому океану. За кормой остался третий экватор нашего похода. Было очень душно. Даже кондиционеры не справлялись с этой жарой. Дни тянулись один за другим, и я думал: поскорей бы выскочить вначале за десятый, а потом за двадцатый градус южной широты. Это был самый изнурительный участок пути. Но и в нём была своя радость. Ранним утром на палубу выпадала особенно обильная роса. Ещё до восхода солнца она крупными каплями покрывала всё судно.

Встанешь до рассвета и выйдешь на ют. Красиво. Сидишь на лавочке, ждёшь восхода, дышишь, любишься. Проходит полчаса, и на востоке проклёвывается солнце. Оно выкатывается из-за горизонта, сияет золотой дорожкой на глянцевой поверхности океана. И в тот же миг наше судно превращается в сказочный терем. Миллионы росинок вспыхивают ослепительным янтарём на снастях, рангоуте, надстройке. Но ярче всех светится палуба. Она — из африканского красного дерева. И каждая прожилка на ней окрашивается особым трепетным светом. Смотришь и думаешь: “Наверное, это дерево, привыкшее к жаре и засухе Африки, оживает в эти мгновения и вспоминает свою родину, свою молодость”.

Пролетают ещё несколько минут, роса испаряется, а вместе с ней уходит и утренняя сказка. Но она обязательно повторяется вновь — важно лишь встать до рассвета.

Смерч

В Индийском океане я впервые увидел смерч. Настоящий смерч. Небо было плотно затянуто серыми облаками, и оттуда, из облаков, в океан подвижной струей сползала гигантская водяная змея. Эта картина зачаровывала. Смерч гулял по океану на приличном отдалении от нашего судна, но было хорошо видно, какую огромную массу воды он взвихряет и уносит ввысь.

Наши фотокоры, как по команде, выбежали на полубак, и все щёлкали затворами фотоаппаратов, стараясь запечатлеть это явление. Кто-то из них сказал:

- Хорошо бы он подошёл к нам поближе. Заснять бы его крупнее.
- Ну, уж нет, — тут же возразили ему, — а то сорвёт с палубы все наши спасательные шлюпки и унесёт их вместе с твоим фотоаппаратом.

Поручик Астафьев

В Сингапуре нам довелось побывать на могиле поручика Астафьева. В форте Каннинг есть парк, а в нём, под сенью высоких кокосовых пальм, — небольшое кладбище. Среди десятка иностранных могил хорошо заметен каменный, увитый виноградным мраморным листом, православный крест. Под ним и покоится прах русского моряка-исследователя.

Если открыть книгу “Морская карта рассказывает”, то в ней можно прочесть: “Мыс Астафьева — Баренцево море, Новая Земля. Обследован в 1889 году экипажем шхуны “Бакан”. Мыс назван по фамилии производителя гидрографических работ — поручика Корпуса флотских штурманов Владимира Петровича Астафьева”.

Далее есть и ещё одна небольшая информация: “Астафьев Владимир Петрович (1860–1890 годы) окончил штурманское училище. В 1880–1881 годах плавал на крейсере “Европа”. В 1885–1886 годах служил в Кронштадтской морской обсерватории. В 1887 году занимался гидрографическими исследованиями

в порту и гавани Кронштадта. В 1889 году выполнял гидрографические работы на шхуне “Бакан” у западного побережья Новой Земли. В 1886 году произведён в поручики Корпуса флотских штурманов”.

Его краткую биографию мы прочитали накануне вечером. А в тот момент, когда мы находились на этом ухоженном вечнозелёном погосте, подумалось: “Как же далеко от родных берегов обрёл вечный покой наш соотечественник. Мыс, названный его именем, находится далеко на севере – на холодной, заснеженной и заледеневшей Новой Земле, а последнее пристанище он обрёл почти на экваторе. Какая же у него была короткая жизнь! Всего тридцать лет! Но эта жизнь была служением Отечеству. А смерть место и время не выбирает”.

– Он умер в экспедиции, – рассказывал мой товарищ, сотрудник Института океанологии Александр Першин. – Интересно меня с ним сводит судьба. Лет тридцать назад я прочитал о нём в журнале “Вокруг света”. Мы жили тогда на берегу Енисея в палатке. Было холодно, сыро. Вдобавок ко всему там чуть не погиб один из участников нашего похода. Но именно тогда я впервые узнал о нём. Потом я был на Новой Земле, на том самом мысе Астафьева. И вот теперь – здесь.

Некоторое время мы постояли у могилы поручика Астафьева, поклонились его праху и отправились в путь-дорогу.

Много чего забавного и экзотического повидали мы в “бананово-лимонном” Сингапуре. Побывали в экваториальном ботаническом саду с бутылочными и хлебными деревьями, с садом невероятных цветов – орхидей. Проехали на канатной дороге в парк развлечений, прогулок и отдыха на остров Сентозу. Сингапур сиял и переливался своим великолепием дворцов, памятников и небоскрёбов. Всё это вместе постепенно слилось в калейдоскоп цветных и ярких картинок. Однако совершенно наособицу осталось наше посещение кладбища в форте Каннинг. словно сам поручик Астафьев ждал нас там, чтобы пожелать нам доброго пути.

Порт-Элизабет

В семь утра, как обычно, по громкой внутрисудовой связи объявили подъём. Четвёртый помощник капитана ровным голосом сообщил курс, скорость и местоположение судна. Всё это было привычно – каждое утро проходила подобная информация. В этот раз она отличалась лишь небольшим лирическим отступлением.

– Справа на горизонте можно наблюдать огни города Порт-Элизабет, – позволил себе небольшое дополнение вахтенный помощник.

А было ещё темно. Я взглянул в иллюминатор, который находился с левого борта, и подумал, что вот и африканская земля показалась, скоро увижу её собственными глазами. И будет это не просто далёкая неизвестная земля, а город с красивым названием Порт-Элизабет.

С этими мыслями я решил немного подремать, чтобы просозерцать не просто мерцающие огни далёкого города, а весь этот город в утреннем свете.

Вскоре, минут через тридцать, я вышел на палубу, но города так и не увидел. С правого борта на горизонте всходило солнце. Оно нежно осветило всё небо персиковым светом. В золоте лучей тонко играли перистые облака, а их небесный отсвет падал на чёрно-синюю гладь океана и окрашивал её в палевые и охряные тона.

Как ни всматривался я в эту лучистую даль, но города Порт-Элизабет так и не увидел. Далековато было до берега. Ночные огни, очевидно, проглядывали, а в солнечном свете – не видать. Наверное, это очень красивый город. Не случайно же плывут над ним такие трепетные и нежные облака.

Чёрное солнце

Мы долго не спали, потому что именно этой ночью должны были пройти траверз мыса Игольный – самую южную точку Африки. Место это знаковое: за кормой оставался Индийский океан, впереди был Атлантический. Все были в лёгком возбуждении и то и дело спрашивали: “Ну, как там? Сколько миль осталось?” Однако ночь есть ночь, и сам этот перевальный мыс мы увидели лишь на экране радара. Вскоре все отправились спать, чтобы рано утром увидеть южную часть африканского берега.

Восход был на редкость красивым. Из-за африканских гор золотым лучом пробилось первое солнце. Тонкие перистые облака обрамляли этот луч и тонкими белыми нитями тянулись к нам, образуя корону во всё небо. А солнце всё поднималось и поднималось. Вот оно уже кругло, но ещё не слишком ярко засияло над горами и стало похоже на красавицу в сияющем кокошнике. Солнце улыбалось нам, приветствовало нас в родной долгожданной Атлантике.

Наши фотокоры, профессионалы и любители без усталости снимали этот фееричный восход. После того как солнце поднялось выше, они закончили свою работу, и один из них подсел рядом со мной на лавочку перевести дух и покурить.

— Замечательный восход, — сказал он. — Снимки просто классные. Хорошо получилась солнечная дорожка на бликующем море. Я даже знаю, куда можно будет пристроить эти кадры. Есть одна нефтяная компания, которая делает свою рекламу на таких видах. Всё гениально просто. Берут такой фотоснимок, ставят на него свой логотип — и в печать. Единственно, надо будет из золотой солнечной дорожки сделать черную. Нефть — это же чёрное золото. Технически это не сложно. Просто золотой цвет при компьютерной обработке снимка меняешь на чёрный. Получается классно. И главное — платят там за каждый кадр очень даже прилично!..

О чём-то ещё хотел рассказать мой товарищ, но я его не дослушал, мне стало как-то грустно от его меркантильности. А тут ещё африканское солнце вдруг полилось с небес чёрным золотом, и захотелось куда-нибудь спрятаться от потока его пронзительных лучей.

Ленин на Маврикии

Второй день нашей стоянки на Маврикии (острове в Индийском океане) принёс новость — оказывается, среди многих и многих достопримечательностей там есть памятник Ленину. Мы попросили нашего таксиста-экскурсовода отвезти нас туда. Действительно, там находится памятник или, точнее, бюст вождя мирового пролетариата. Как выяснилось, его установили наши моряки в 1972 году, когда на этом острове находилась советская рыбопромысловая база. С тех пор отлитый в металле образ вождя так и стоит среди пальм и местных ив.

Казалось бы, что тут особенного? Наверное, немало подобных памятников-бюстов точно так же стояли и стоят по сей день среди пальм и эвкалиптов где-нибудь в Ялте, Сочи, Сухуми. Но вот ведь не мчимся же мы туда на такси, чтобы сфотографироваться с Лениным на память. А здесь, на Маврикии, это что-то вроде экзотики. Рядом же Мадагаскар, Африка и — Ленин. Мой товарищ — корреспондент телекомпании “Звезда” — восторженно сказал:

— Это будет “главный респект” телерепортажа о нашей стоянке.

“Но ведь мы совсем недавно столько снесли, переплавили или спрятали на задворках страны таких же бюстов и памятников, — подумал я. — А теперь вот снимаем как центральное событие. Теперь мы говорим: “Респект, находка”! Фотографируемся на память...”

Обо всём этом я думал уже потом, позже. А тогда, в маврикийском парке, тоже сфотографировался рядом с Лениным. Так, на всякий случай...

Киты

Китов в Атлантике мы повидали немало. Особенно часто они встречались нам в районе Патагонского шельфа. Там киты подходили к борту судна почти вплотную. Блеснут чёрной широкой спиной и вновь уйдут под воду. В общем, китами на финишной прямой кругосветки нас было уже не удивить.

В этот же раз с верхнего мостика по громкой судовой связи прозвучало: “Вниманию экипажа и курсантов! По правому борту — прыгающий кит!”

Естественно, через минуту все мы “построились” на шкафуте правого борта, чтобы увидеть не просто кита, а кита прыгающего. Однако, как мы ни всматривались в океанскую даль, прыгающих китов так и не увидели. Но фонтаны их были видны примерно в полумиле от судна.

Минут через пять-десять ряды наблюдателей подрастерялись: “Кто же не видел фонтаны китов?” К тому же вечерело. А я ещё остался покурить.

Нет, кит так и не выпрыгнул. Однако дыхание китов было ещё долго заметно на поверхности океана. Два сизых облака, словно резкое дыхание на морозе, время от времени фонтанировали над океаном и сопровождали нас до тех пор, пока не стемнело.

Капчужка

Не поздней ещё ночью в южном тропике Тихого океана к нам на судно прилетела небольшая, размером с дрозда, птица. Было уже темно, и на палубе ярко горели фонари. Эта маленькая пичуга, подобно мотыльку или бабочке, стала биться о фонарь. Вскоре, ослеплённая, она упала на палубу. Первым к ней подошёл старший матрос Никита.

— Это капчужка, — сказал он и взял её на руки. — Капский голубок к нам прилетел. Они глупые — эти голуби. Летят на свет, а потом погибают.

— И что же с ней теперь делать? — спросил кто-то из курсантов.

— А ничего не делать, — ответил Никита. — Сейчас она немного очухается, а потом её надо с силой бросить за борт.

— Это зачем же с силой?

— А затем, чтобы больше не летела на фонарь. С этой капчужкой ничего не случится. На волнах отойдёт и полетит в другую сторону. Это же водоплавающий голубь.

Минут через пять Никита резко швырнул птицу за борт. Было видно, как она шлёпнулась об воду и тут же исчезла во тьме. Больше она к нам не прилетала.

Штурвал

Скажешь: “Штурвал”, — и уже понятно — речь о море. Знаковое слово. Когда мы в море, у штурвала постоянно несут вахту рулевые курсанты. В спокойное время они стоят втроём, а когда штормит — вчетвером. В сильный шторм вместо курсантов на руль заступают матросы — очень важно удерживать судно носом к волне.

О нашем штурвале просто сказать — мало. Его надо видеть. Сам по себе он — произведение столярного искусства. Представьте два больших колеса из красного дерева. Каждое — более метра в диаметре. От центра этих колёс идут мощные балясины, которые потом становятся рукоятками. По периметру этих колёс идут латунные накладки. Ежедневно их дряют до блеска, и штурвал от этого сияет и светится.

Как-то я стоял и думал: “На что же всё-таки похож наш штурвал”? И вдруг понял. Он похож на солнце, такой же круглый и лучистый. Многие годы моряки надёжно держали его в крепких руках, и теперь он сам всегда готов поделиться теплом их ладоней.

Медведки

Медведки похожи на ёршики для мытья бутылок, только гораздо больше. Все основные снасти “Крузенштерна” в медведках. Вначале я подумал, что они служат для украшения судна. И действительно, если посмотреть на любую мачту, то каждая из них напоминает новогоднюю ёлку. Но служат медведки не только для красоты, а прежде всего, для того, чтобы паруса не обтирались о тросы.

— А почему их называли именно медведками? — как-то спросил я у нашего парусного мастера.

— Ну, ясно — почему, — ответил он удивлённо. — Потому что они, как гусеницы-медведки.

— Да, очень точное сравнение, — согласился я. — Только гусеницы-то зеленовато-коричневые, а у нас медведки — белые и пушистые.

— Это они сейчас белые и пушистые, — возразил мне парусный мастер, — потому что мы их сплели совсем недавно. А пройдёт недели две-три, и они станут от пыли и гари коричневыми.

— Откуда же в море пыль?

— Как откуда? Из космоса. К тому же движки у нас работают — гарь летит.

И точно: недели через три нашего похода белые и пушистые медведки стали тёмно-коричневыми. Правда, вскоре их заменили новыми.

Парусный лес

Когда я только-только попал на “Крузенштерн”, то подумал, что вокруг меня целый парусный лес. Посмотришь вверх — белым-бело. Парусов, действительно, было много. Они были разнообразными: прямыми, косыми, прямоугольными. Попробуй-ка, разберись в них, запомни хотя бы их названия!

В одной из бесед с капитаном я спросил:

— Долго, наверное, надо здесь поработать, чтобы разобраться хотя бы в названиях парусов?

— А чего тут разбираться-то? — ответил он. — Тут всё легко запомнить. У нас четыре мачты. На первых трёх — паруса, по сути, называются одинаково. Самые нижние — по названию мачт: фок, первый грот и второй грот. Остальные совсем просто: снизу вверх — нижний, далее верхний марсель, затем нижний, за ним верхний брамсель, и на самом верху — бом-брамсель. Так — на всех трёх мачтах. Остаётся запомнить названия лишь на кормовой — бизань-мачте. Нижний парус там — апсель, средний — трисель, а верхний — гаф-топсель.

— Но ведь есть ещё и косые паруса, — сказал я.

— Это ещё проще, — ответил капитан. — На бушприте у нас четыре “косяка”. Впереди всех — фор-стень-стаксель, за ним — кливер, потом — мидель-кливер и далее — бом-кливер и кливер-топсель.

— А косые паруса между мачтами?

— Между грот-мачтами они называются стакселями. Внизу — грот-брам-стень-стаксели, а вверху — грот-бом-брам-стень-стаксели. Остаётся запомнить лишь название “косяка” перед бизань-мачтой — это крьюс-стень-стаксель.

— А сколько всего парусов на судне?

— Максимально — тридцать четыре паруса.

“Почти как букв в алфавите, — подумал я. — А сколько может быть вариантов их постановки в зависимости от курса судна и ветра?”

Последний вопрос я задавать не стал. Мне и так всё стало ясно. Надо лишь поработать на парусном судне лет тридцать, как капитан, и тогда всё будет совсем просто и понятно!

Острова Арефьева

В Японском море, у Корейского полуострова, есть острова моего однофамильца. Вообще-то у этих островов двойное название. У корейцев эти острова называются Яндо, у нас — Арефьева.

Интересная была ситуация. Идём себе на “Крузенштерне” по Японскому морю и вдруг наблюдаю на карте острова Арефьева.

Нет, мы их не увидели. Острова находились значительно восточнее, чем пролегал наш курс. Мы шли ближе к острову Цусима. Но дело не в этом. Просто захотелось узнать, что же это за острова.

Начал я своё исследование с лоции Японского моря. Там в главе “От мыса Мусудан до Восточно-Корейского залива” написано: “Острова Яндо, или Арефьева (40 градусов 45 минут северной широты, 129 градусов 32 минуты восточной долготы), представляют собой группу из трёх приметных островов, отделённых друг от друга мелководными проливами. Северо-западный и средний из островов этой группы высотой соответственно 68 и 45 метров, не имеют собственного названия, а юго-восточный остров называется островом Канхуидо.

... Остров высотой 68 метров является северо-западным и самым большим из этих островов. Берега острова почти повсеместно крутые и обрывистые, и только на его восточной стороне имеются небольшие низменные участки.

Между северо-западным и расположенным к востоку от него средним из островов имеется узкий проход с глубинами 1,3–6,4 метра. При знании местных условий плавания малые суда могут стать на якорь против построек селения Яндо, расположенных на восточном берегу острова высотой 68 метров. Это якорное место защищено от всех ветров.

Селение Яндо расположено на обоих берегах прохода, пролегающего между северо-западным и средним из островов.

В берег северо-западного из островов вблизи селения Яндо вдаётся бухточка, в которой катера и рыболовные боты могут найти укрытие от ветров любых направлений. Берега бухточки укреплены каменной стенкой.

Остров Канхуидо высотой 115 метров необитаем”.

Теперь о том, в честь кого названы эти острова. В книге “Морская карта рассказывает” говорится следующее: “Острова Арефьева (Яндо), Японское море, полуостров Корея. **Нанесены на карту в 1854 году экипажем фрегата “Паллада”. Тогда же острова были названы по фамилии старшего судового врача штаб-лекаря Александра Михайловича Арефьева”.**

Далее, в разделе краткой биографической справки есть ещё одна небольшая информация: “Арефьев Александр Михайлович (1815-?) окончил Санкт-Петербургскую медицинскую академию. В 1840–1851 годах плавал на Балтийском и Северном морях на бриге “Нестор”, корабле “Коцбах” и других. В 1852–1854 годах на фрегате “Паллада” совершил плавание из Кронштадта в Японское море, откуда в 1856 году через Сибирь возвратился в Петербург”.

Это почти всё, что удалось узнать мне о своём однофамильце. Даже год его смерти и место захоронения пока не известны. Тем не менее, уже сейчас приятно сознавать, что был такой доктор Александр Михайлович Арефьев на легендарном фрегате “Паллада”. Он, безусловно, разговаривал с великим русским писателем Иваном Александровичем Гончаровым, который увековечил тот поход в путевых очерках “Фрегат “Паллада””.

Когда наш барк “Крузенштерн” стоял в Кейптауне, по странному стечению обстоятельств именно там я прочитал у Гончарова, что чуть более полутора веков тому назад фрегат “Паллада” заходил на мыс Доброй Надежды. Офицеры “Паллады” нанесли визит местному доктору. Среди них был и Александр Михайлович Арефьев. Тот момент подробно описан у Гончарова: “Мы спросили (местного доктора), зачем он избрал мыс Доброй Надежды, а не другое место для отдыха. “Ближайшее, — отвечал он, — и притом переезд дешевле, нежели куда-нибудь. Я хотел ехать в Австралию, в Сидней, но туда стало много ездить эмигрантов и места на порядочных судах очень дороги. А нас двое: я и жена; жалования я получаю всего от 800 до 1000 фунтов стерлингов (от 5000 до 6000 рублей). — Куда же отправитесь, выслужив пенсию? — И сам не знаю; может быть, во Францию. . . — А Вы знаете по-французски? — О, да. . . — В самом деле?” И мы живо заговорили с ним, а до тех пор, правду сказать, кроме Арефьева, который отлично говорит по-английски, у нас рты были точно зашиты”.

Вот и ещё одно дополнение. Оказывается, Александр Михайлович Арефьев хорошо говорил по-английски.

Казалось бы, информация, которую я собрал на данный момент, невелика. Но, признаться, дело не в объёме данных и даже не в точных датах. Их, надеюсь, со временем я узнаю, что-нибудь уточню. Удивительно другое — то, что моё исследование началось именно в кругосветном плавании на барке “Крузенштерн”.

И ещё одно забавное открытие я совершил. Есть в Японском море острова Арефьева и есть острова Гончарова. Но об островах Гончарова в книге “Морская карта рассказывает” ничего не сказано. И об авторе путевых очерков “Фрегат “Паллада”” тоже не написано ни строчки. Я спросил об этом недоразумении у моего товарища — учёного из института океанологии Александра Першина.

— Ничего удивительного, — ответил он. — Книгу “Морская карта рассказывает” составлял мой учитель Борис Георгиевич Масленников. А он работал просто, как бухгалтер. Забирался в морские архивы и делал точные выписки. А поскольку писатель Иван Александрович Гончаров моряком не был, он его в сборник и не включил. Его фамилии не было в морском архиве. Так и получилось: и острова Гончарова есть, и прекрасные книги Гончарова есть, а в сборнике об этом ничего не сказано.

Поклон русским морякам!

Саймонстаун — небольшой городок, который находится километрах в двадцати севернее мыса Доброй Надежды. Для туристов он наиболее известен тем, что там находится пингвинарий. Конечно же, интересен этот город

не только пингвинами, кстати, они довольно мелкие – прячутся и пронзительно кричат в кустах местного ивняка на берегу океана. Есть в этом городе крупная военно-морская база. И туда, на эту базу, в прежние времена заходили русские корабли.

Есть в Саймонстауне и русское кладбище.

Возвращаясь с Мыса Доброй Надежды, мы посетили этот городок. Мне захотелось отыскать там какие-нибудь следы русских моряков. Я уже знал, что в этом городе похоронены наши моряки. Но нам не повезло. Был дождь, и руководители нашей поездки решили сократить экскурсию. Это сокращение как раз почему-то и выпало на посещение кладбища. Было досадно. Но что поделаешь?

Однако возле этого кладбища мы всё же проехали, и я мысленно поклонился могилам русских моряков. Кроме того, мне удалось взять у сотрудников посольства информацию о покаящихся на этом кладбище наших соотечественниках. Вот она:

“В Саймонстауне на старом городском кладбище (Seaforth Old Burying Ground) сохранились две могилы российских моряков. Здесь в 1865 году были похоронены кондуктор корпуса флотских штурманов Николай Петров и матрос Пётр Рашев с фрегата “Дмитрий Донской”.

В музее Балтийского флота в документах за 1865–1866 годы имеются сведения о захороненных на кладбище российских моряках.

Осенью 1864 года фрегат “Дмитрий Донской” под командованием капитана 1 ранга Майделя вышел в учебный поход с гардемаринами и кондукторами. Экипаж составлял 673 человека. Корабль совершал плавание из Кронштадта с заходом на острова Зелёного Мыса, Рио-де-Жанейро, Саймонс-бей, остров Святой Елены и обратно в Кронштадт.

Утром 3 января 1865 года фрегат стал на якорь в Саймонс-бей. Кондуктор корпуса флотских штурманов Николай Петров в продолжение всей кампании был всегда в хорошем настроении, весёлым, однако вдруг внезапно заболел.

Лекарства, которые давали ему своевременно, хотя и облегчали его страдания, спасти не смогли. Через восемь дней болезни, 11 января 1865 года больной скончался к прискорбию его товарищей, привыкших видеть этого всегда прилежного, исправного по службе, скромного молодого человека.

Тело покойного было предано земле на кладбище в городе Саймонстаун, куда оно было отнесено его товарищами в сопровождении русских матросов, взвода английских солдат и офицеров.

На могиле покойного сооружён памятник на деньги, пожертвованные офицерами фрегата и его товарищами (682 рубля).

В ночь с 22 на 23 января 1865 года заболел матрос Пётр Рашев, который через 18 часов скончался в лазарете.

В мае 1865 года фрегат “Дмитрий Донской” благополучно вернулся в Кронштадт.

С помощью сотрудников музея военно-морских сил ЮАР и музея истории города установлено, что рядом с могилами Н. Петрова и П. Рашева на кладбище Seaforth Old Burying Ground имеются более ранние захоронения ещё двух российских моряков. К сожалению, надгробия до настоящего времени не сохранились. Скорее всего, это были простые деревянные кресты. Точное место могил в настоящее время установить невозможно. Записи в регистрационной книге того времени свидетельствуют о том, что 10 марта 1858 года здесь был похоронен инженер канонерской лодки “Джигит” Павел Токарев, а 27 апреля 1858 года – Н. Христов (без указания чина) с военного транспорта “Николай”.

Несколько лет назад сотрудники нашего генерального консульства в Кейптауне установили на этом кладбище памятник. На нём есть надпись: “Вечная память российским морякам Русского флота (1809–1865 гг.). Далеко от родных берегов, на краю африканского континента обрели они свой последний приют”. Чуть ниже следуют имена и фамилии:

Егор Ильин, Панкратов, Сила Балужкин, Павел Токарев, Н. Христов, Юрий Яров, Ефим Петухов, Иосиф Сидоблаз, Данила Фадеев, Афанасий Матвеев, Николай Петров, Пётр Рашев.

Упокой, Господи, души русских моряков, обретших свой вечный покой на чужбине, и даруй им Царствие Небесное!